

Мужичекъ самъ съ переть — усы на семь вереть.



Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ-былъ царь. На его царскомъ дворѣ была коновязь съ золотыми кольцами. И привидѣлся однажды царю такой сонъ: будто у той коновязи привязанъ чудный конь — что ни шерстинка, то серебрянка, а во лбу свѣтель мѣсяць. Проснулся царь по утру и приказалъ кличь кликать: «кто этотъ сонъ разсудить и коня того достанетъ, за того свою дочь отдаю и полцарства въ придачу». Собралось на тотъ царскій кличь множество князей, бояръ и знатныхъ господъ; думали, думали: — никто не можетъ того сна растолковать, никто не беретсѣ коня доставать. Наконецъ выискался какой-то старенькій, сѣденькій мужичокъ-сѣрячекъ, да и говоритъ царю: «твой сонъ — не сонъ, а былъ; на такомъ

точно конѣ, какъ ты во снѣ видѣлъ, приѣзжалъ къ тебѣ нынче ночью мужичекъ - самъ - съ - персть — усы на семь версть; хотѣлъ онъ твою дочку-красавицу изъ крѣпкаго терема украсть». — «Спасибо тебѣ, добрый человекъ за толкованіе; не скажешь-ли ты мнѣ теперь, кто мнѣ того коня добыть можетъ?» — «Скажу, царь-государь! Есть у меня трое сыновей, сильно-могучихъ богатырей. Всѣхъ ихъ жена моя въ одну ночь родила: старшаго съ вечера, средняго въ полночь, меньшаго на утренней зарѣ; и назвали мы ихъ: Зорькой, Вечоркой и Полуночкой! Нѣтъ имъ равныхъ въ твоёмъ царствѣ ни по силѣ, ни по храбрости; такъ вотъ, не пригажешь-ли имъ, государь-батюшка, поѣхать, тебѣ того чуднаго коня добыть». — «Пускай ѣдутъ, старинушка! Пускай берутъ моей казны сколько надобно, а я отъ своего слова не пачусь: кто изъ нихъ мнѣ коня добудетъ, тому царевну и полцарства отдамъ».

На другой день рано утромъ въѣхали на царскій дворъ три брата-богатыря: Зорька, Вечорка и Полуночка — одинъ другаго лицомъ краше, одинъ другаго плечами шире, осанкой молодцоватѣе! Вошли они къ царю, на иконы помолились, на всѣ стороны поклонились, а царю низенько въ особицу: «многолѣтно здравствуй, царь-государь! Пришли мы къ тебѣ не пирь-пировать, а тяжелую службу служить, чуднаго коня тебѣ изъ дальнихъ странъ добыть, того коня, что тебѣ во снѣ привидѣлся». — «Исполать вамъ, добрые молодцы! Чѣмъ же васъ на дорогу пожаловать?» — «Намъ, государь, ничего не надобно; не оставь только нашихъ батюшки съ матушкой: призри ихъ въ бѣдности да въ старости». — «Если такъ, поѣзжайте съ Богомъ въ путь до-

роженьку! А я вашихъ стариковъ вѣлю во дворцѣ у себя помѣстить, съ своего царскаго стола вѣлю ихъ поить-кормить, изъ своихъ царскихъ кладовыхъ вѣлю ихъ обуть-нарядить, всякимъ добромъ надѣлать».

Отправились добрые молодцы въ дальній путь. Бдутъ они и день, и другой, и третій — все только небо у нихъ надъ головой, да стѣнь широкая со всѣхъ сторонъ. Наконецъ вѣхали они за той стѣнью въ дремучій лѣсъ, и крѣпко обрадовались:—у самой опушки стоитъ избушка и, возлѣ избушки, хлѣвецъ — полонъ овецъ. «Вотъ», говорятъ они, «будетъ гдѣ намъ и голову приклонить, и отъ пути отдохнуть». Постучались въ избу — нѣтъ отзвѣта; заглянули въ нее — пустѣхонько. Вошли братья, раздѣлись, Богу помолились и спать легли. На утро пошли Зорька съ Полночкой въ лѣсъ на охоту, и говорятъ Вечоркѣ: «останься дома, да приготовь намъ обѣдъ». Старшій братъ согласился, все въ избѣ прибралъ, потомъ пошелъ въ хлѣвецъ, выбралъ самаго жирнаго барана, зарѣзалъ, вычистилъ и зажарилъ къ обѣду. Только успѣлъ онъ на столъ собрать и сѣлъ было подъ окно братьевъ поджидать, вдругъ застучало-загремѣло въ лѣсу, распахнулась дверь на-пяту и вошелъ въ избу мужичекъ - самъ - съ - персть—усы на семь версть, далеко за спиной у него волочатся. Какъ вошелъ въ избу, глянулъ на Вечорку исподлобья и закричалъ на него громовымъ голосомъ: «какъ-же ты смѣлъ въ моемъ домѣ хозяйничать? какъ смѣлъ моего барана рѣзать?» А Вечорка смотритъ на него, усмѣхается: «ты бы», говоритъ, «чѣмъ кричать-то, такъ прежде бы выросъ; а то вонъ тебя и отъ земли-то не видать! Возьму щей ложку, да хлѣба крошку —

всѣ глаза тебѣ залѣплю!» Мужичекъ-самъ-съ-пёрсть отвѣчаетъ ему: «видно ты не знаешь, что я и малъ, да удалъ!» Да какъ сдернетъ богатыря съ лавки, какъ начнетъ его изъ угла въ уголь таскать да объ стѣны головой бить — едва живаго бросилъ его подъ лавку, а самъ схватилъ со стола жаренаго барана, съѣлъ его съ косточками—и былъ таковъ. Воротились братья, спрашиваютъ: «что съ тобой? Зачѣмъ голову обвязалъ?» А Вечоркѣ и стыдно сказать, что этакий гадъ его такъ употчивалъ, и говоритъ онъ братьямъ: «угорѣлъ я безъ васъ, не могъ ни варить, ни жарить».

На другой день Зорька съ Вечоркой на охоту ушли, а Полуночка остался обѣдъ готовить. Какъ только успѣлъ у него обѣдъ, такъ опять налетѣлъ и въ избу вошелъ мужичекъ - самъ - съ - пёрсть — усы на семь версть, избилъ Полуночку, изувѣчилъ, подъ лавку бросилъ, обѣдъ весь съѣлъ — и былъ таковъ. Опять воротились братья, спрашиваютъ: «что съ тобой, братецъ? Зачѣмъ голову тряпницей обвязалъ?»—«Угорѣлъ, братцы!» отвѣчаетъ Полуночка, «и всю головушку разломило, и обѣда вамъ оттого не успѣлъ приготовить».

На третій день старшіе братья на охоту пошли, а Зорька одинъ въ избѣ остался, и думаетъ: «что-нибудь не ладно! не даромъ два дня съ ряду братья на угаръ жаловались!» И сталъ онъ присматривать да прислушивать: не пришелъ бы кто, незасталъ бы въ распахъ его. Выбралъ барана, зарѣзалъ, очистилъ, зажарилъ, на столъ поставилъ — и вдругъ застучало, загремѣло въ лѣсу, бѣжитъ во дворъ мужичекъ-самъ-съ-пёрсть—усы на семь версть, на головѣ стогъ сѣна несетъ, въ рукахъ чанъ воды тащить; поста-

вилъ среди двора чанъ съ водой, раскидалъ сѣно по всему двору и принялся овецъ считать. Видитъ опять нехватаетъ одного барана, распалился гнѣвомъ, затопалъ ножонгами, бросился въ избу и схватился съ Зорькой бороться... Да Зорька-то не чета братьямъ былъ: схватилъ онъ мужичка за усы, да и давай его таскать по избѣ въ поволочку, а самъ приговариваетъ: «не узнавъ броду, не суйся въ воду!» Заметался мужичекъ-самъ-съ-персть изъ стороны въ сторону, вырвался изъ Зорькиныхъ желѣзныхъ лапъ, концы усовъ у него въ горсти оставилъ, да и ну скорѣй бѣжать отъ него... Зорька за нимъ — да куда тебѣ! Онъ какъ пухъ полетѣлъ и изъ глазъ у него сгибъ да пропалъ! Воротился Зорька въ избу и сидитъ подь окномъ, поджидаетъ братьевъ любезныхъ. Пришли братья и дивуются, что онъ цѣлъ и невредимъ, и обѣдъ готовъ. А Зорька вытащилъ изъ-за пояса концы длинныхъ усовъ, что у чудища вырвалъ и говоритъ братьямъ, посмѣиваясь: «вотъ, братцы, я вашъ угаръ за поясъ заткнулъ! И вижу я, что вы мнѣ не товарищи, ни по силѣ, ни по храбрости: поѣду я одинъ чуднаго коня добывать, а вы ступайте-ка назадъ въ деревню, землю пахать». Простился съ братьями, и поѣхалъ.

На самомъ выѣздѣ изъ лѣсу, наткнулся Зорька на ветхую избѣнку, и слышитъ въ той избѣнкѣ кто-то жалобно кричить: «кто меня напоить да накормить, тому и я пригожусь». Вошелъ добрый молодецъ въ избу и видитъ, что на печи лежитъ безногій-безрукій, жалобно стонетъ, пить-ѣсть проситъ. Напоилъ-накормилъ его Зорька, и спрашиваетъ: «кто ты таковъ?» — «Былъ я богатырь не хуже тебя, да вотъ у мужичка-самъ-съ-переть съѣлъ я барана, такъ

онъ и сдѣлалъ меня на вѣкъ калѣгой. А за то, что ты надо мной сжалился, меня напоилъ-накормилъ, я тебя научу, какъ чуднаго коня достать». — «Научи, добрый человѣкъ». — «Ступай на ближнюю рѣку, сними на ней перевозъ, круглый годъ перевозки, ни съ кого денегъ не бери — самъ увидишь, что будетъ!»

Пошелъ Зорька на рѣку, снялъ перевозъ и круглый годъ на немъ всѣхъ перевозилъ безденежно. И случилось ему однажды перевозить трехъ старцевъ-странниковъ. Вышли старцы на берегъ, стали свои дорожные кошельки развязывать и вынулъ одинъ полную пригоршню золота, другой — скатнаго жемчуга, третій — самоцвѣтныхъ камней. «Вотъ тебѣ за перевозъ, добрый молодецъ», говорятъ старцы. — «Не могу я съ васъ ничего взять?» говорить имъ Зорька, «потому я здѣсь всѣхъ перевозжу безъ платы, по обѣщанію». — «А по какому?» — «Ищу я чуднаго коня, что ни шерстинка, то серебрянка, да нигдѣ его найти не могу; такъ вотъ мнѣ добрые люди посовѣтовали здѣсь перевозъ снять, сказали: увидишь, что будетъ». — «Ну, спасибо тебѣ, доброму молодцу, что ты въ своемъ словѣ твердъ — можемъ мы тебя на путь наставить. Вотъ тебѣ колечко на мизинчикъ, только пересади его съ руки на руку — всѣ желанья твои исполнятся!» И пошли старцы своей дорогой, а Зорька сейчасъ надѣлъ кольцо на другую руку, да и говорить: «пусть я сейчасъ же въ тѣхъ мѣстахъ буду, гдѣ мужичекъ-самъ-съ-пересть живетъ и своего коня пасетъ!» И вдругъ подняло его вихремъ и мигнуть онъ не успѣлъ — очутился передъ глубокой пропастью въ глухомъ ущельѣ, и видитъ, что по ту сторону пропасти сидитъ на краю мужичекъ-самъ-съ-пересть —

усы-на-семь-версть, и около него ходитъ чудный конь, что ни шерстинка, то серебрянка, во лбу свѣтель мѣсяцъ, во гривѣ звѣзды частыя. «Здравствуй, добрый молодецъ!» кричитъ Зорькѣ чудовище, — «зачѣмъ сюда пожаловалъ?» «Хочу у тебя твоего коня отнять». — «Нѣтъ, ни тебѣ, ни кому не отнять его у меня будетъ. Стоитъ мнѣ только за гриву его взять, да къ краю этой пропасти подвести, никто насъ съ нимъ во вѣки вѣковъ не сыщеть». — «Ну, такъ помѣняемся». — «Изволь; помѣняться могу я съ тобою: ты мнѣ дочь своего царя сюда приведи, а я тебѣ коня изъ полы въ полу отдамъ». — «Хорошо», говоритъ Зорька, а самъ сейчасъ смекнулъ, какъ чудовище провести. Пересадилъ онъ свой перстень съ руки на руку, говоритъ: «пусть здѣсь передо мною сейчасъ же очутится красавица царевна!» И глазомъ моргнуть не успѣлъ, — явилась передъ нимъ царевна, вся блѣдная, перепуганная, пала передъ нимъ на колѣни, просить, молить: «добрый молодецъ! За что ты меня отъ отца похитилъ? Пощади мою молодость!» А Зорька и шепчетъ ей: «хочу вотъ это чудище провести! Сдѣлаю видъ, будто тебя на коня мѣняю, у чудища въ женахъ оставляю, а сама-то ты возьми этотъ перстень, да какъ захочешь домой вернуться, только персади его съ руки на руку, да скажи: «хочу булабочкою обернуться, къ Зорькѣ за воротъ заткнуться — тамъ уже увидишь, что будетъ». Какъ уговорился Зорька съ царевною, такъ и вышло. Промѣнялъ онъ чудищу царевну на чуднаго коня, надѣлъ на коня сбрую богатырекую, сѣлъ и поѣхалъ своей дорогой, а мужичекъ-самъ-съ-пѣрестъ вслѣдъ ему насмѣхается: «хорошъ», кричитъ, «добрый молодецъ, на коня промѣнялъ красную дѣ-

вицу». Не отъѣхалъ еще Зорька двухъ-трехъ версть—слышитъ, что-то его подъ воротомъ закололо. Ощупалъ, видитъ—булавочка; бросилъ ее о-земь—передъ нимъ очутилась красная дѣвица, стоитъ—слезы ронить, домой къ родимому батюшкѣ просится. Посадилъ Зорька царевну съ собою на коня и помчалъ ее во всю богатырскую прыть. Приѣзжаетъ онъ къ царю во дворецъ, застаетъ царя въ злой кручинѣ. Говоритъ ему царь: «не радъ я, добрый молодець и твоей вѣрной службѣ, не надобенъ мнѣ и добытый тобою конь—нечѣмъ мнѣ и наградить тебя по достоинству!»—«Отчего же бы такъ, царь-батюшка?» — «Оттого, добрый молодець, что у меня дочь безъ вѣсти пропала». — «Ну, ты это, царь-государь, не кстати задумалъ со мной шутки шутить: царевна мнѣ сейчасъ изъ своего терема кланялась...» Бросился царь къ дочкѣ въ теремъ, обнялъ ее и подвелъ къ доброму молодцу: «вотъ тебѣ твоя награда, а мнѣ утѣха». И взялъ царь коня, дочь за Зорьку замужъ отдалъ, и полцарства далъ за нею въ приданое. Зорька и теперь съ молодой женой живетъ, ею неналюбуется, своимъ счастьемъ да удачею не нарадуется, не нахвалится.

